

ПАМЯТЬ

— Когда вы познакомились с Аней?

— Аня была десятиклассницей. Я попал в ее дом, потому что мы что-то праздновали с ее компанией. Там мы с ней и познакомились. Потом она стала студенткой факультета журналистики.

— Когда вы поженились?

— На факультете. Студенческий брак. Мне было 25, а ей 20. Все ее подруги называли меня стариком. У нас была обычная студенческая свадьба. В мою квартиру, в “хрущобу”, 19 квадратных метров, набилось дикое количество людей. Таких свадеб сейчас уже нет. Было весело. Я надел картуз, на картуз — цветок, взял авоську и, положив в нее буханку черного хлеба и бутылку водки, приехал за невестой. Аня жила в мидовском доме. Ее родители работали в ООН, поэтому этот юмор не восприняли так, как я хотел.

— Понятно, что за 21 год было разное. Но как сейчас вспоминается эта совместно прожитая большая часть жизни?

— Понимаете, 21 год — это всевозможные скандалы, связанные с нищетой. Это и счастье от рождения первого ребенка, Ильи. Потом появилась на свет Вера. Подгузники — как переходящее знамя от одного ребенка к другому. Помню, оставался день до аванса, я брал бутылки, шел их сдавать, но, сдав их, вместо того чтобы купить творог и сметану, покупал торт, и мы устраивали праздник. Анины родители, глядя на нас, крутили у виска. Всякое было. Помню, Аня шепотом в трубку узнавала у мамы, как готовить манную кашу, потому что она, когда вышла замуж, готовить не умела. Но потом научилась совершенно потрясающе. Наверное, как у всех украинок, у нее это было в крови. На мой день рождения собирались люди, и это был праздник не только семейный, но и настоящего гурманства. Она прекрасно делала баклажаны, помидоры. Это был уникальный стол, не салат оливье. Я очень хорошо помню, как она меня заставляла покупать советские трехлитровые банки сока, чтобы дети пили витамины. Она стала великолепной хозяйкой на моих глазах.

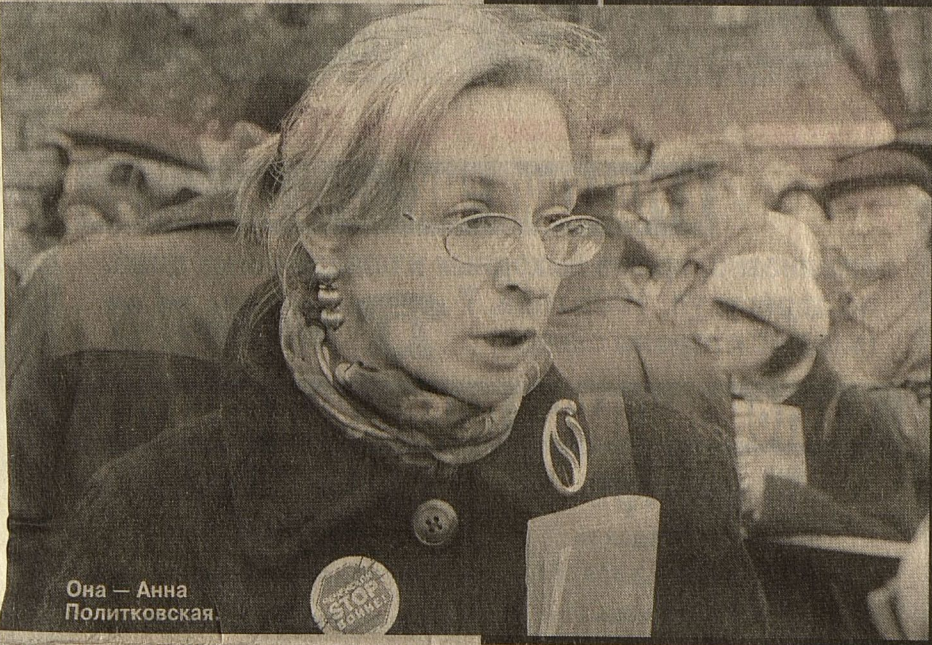
У нее был сложный характер. Последние несколько лет мы не общались и не жили вместе, юридически не оформляя развод. Наше расставание — это, конечно, в большей степени моя вина. А причина в том, что, будучи когда-то на пике славы, я очень часто мотался по командировкам. Аня это воспринимала довольно болез-

Ее звали Анна Мазепа. Политковской она стала после того, как вышла замуж за Александра. Вместе они прожили 21 год. Вместе работали журналистами. Сначала был очень знаменит и популярен Он, потом — Она. Теперь Ее нет, а Он вспоминает о Ней, об их совместной жизни. Где было много ненастья, но было и счастье.

ПОЛОСАТАЯ

ЖИЗНЬ

Александр Политковский:
“Наше расставание — моя вина”

Она — Анна Политковская.

ненно. Я-то ведь работал, а ей приходилось заниматься детьми, стряпней. Помню, мы тогда купили собаку, добермана, а через полтора года она стала умирать, и Аня ее выхаживала. То есть весь дом оказался тогда на ней. А когда дети подросли, то, естественно, у нее появилось больше возможности писать. У нее было по-хорошему ревностное отношение к моей работе, она хотела быть такой же. Хотела быть профессионалом, в смысле — бескомпромиссно работать в журналистике, а не за деньги и не за чьи-то интересы. Писать то, о чем думаешь.

Ее профессиональная жизнь складывалась сложно. Газета “Воздушный транспорт”, где была клоака, отдел писем в “Известиях”, большие проблемы в “Общей газете”. И везде интриги. Но плохое не помнится. Хотя, конечно, были скандалы... Мы жили на улице Герцена напротив Театра Маяковского. Денег на билеты не было. После первого акта заходили зимой в театр, перебежав дорогу без пальто, будто выходили покурить. Поэтому знали весь репертуар по второму и третьему актам... Всякое бывало, ругались. У нас дома была темная кухня, благодаря чему впоследствии мы получили трехкомнатную квартиру, потому что кухня не соответствовала сани-

тарным нормам. И вот после очередного принципиального спора, когда успокаивалась вся квартира, я уходил на кухню и писал. А потом, уже помирившись, мы смеялись над тем, что текст необычайно хорош. Да, жизнь — штука полосатая, а она у нас была очень полосатая.

— А самый светлый момент в жизни с Аней, когда вам было очень хорошо?

— Конечно, первые студенческие годы. Романтика нашей профессии и попытка ей научиться. Борьба с нищетой. Когда в апреле родилась Вера, у нас не было даже холодильника, мне пришлось занимать деньги у друзей. А на то, чтобы завезти его домой, денег уже не хватало. Приехал мой приятель на “жигуленке”, мы его разобрали, закинули туда холодильник и таким образом его довезли. Это была победа и подарок Ане, вернувшейся из роддома.

— Сейчас про Аню говорят, что в последние годы она думала только о работе, о своих командировках и это было в ее жизни самое главное.

— Нет, она занималась проблемами детей. Мы встречались с ней в прошлом году, когда у сына была свадьба. Она принимала ее организации активное участие. Очень волновалась. Ко-

нечно же, ей хотелось, чтобы ребенок запомнил этот день. Так что вокруг нее была не только работа. Это нормальный человек, хорошая женщина. В школе ее подруги-одноклассницы смеялись над ней, что из-за ее характера она никогда не выйдет замуж. В результате она первая из них вышла замуж и родила детей. Так что не надо ее представлять как черта в юбке. Она очень жесткий человек и очень требовательный к тому, что происходит вокруг нее. И, конечно, такую жесткость было выдержать тяжело. Но мы всегда относились друг к другу нормально и уважительно. И пытались решить те проблемы, которые возникали у детей. А их, конечно же, хватало.

— Дети жили вместе с Аней?

— Нет, полтора года назад Аня купила квартиру в доме на Лесной, в подъезде которого ее убили. А переехала она туда потому, что журналистская работа требует сосредоточенности и отрешения. Это когда мы были молодыми, то могли уложить детей, убежать куда-то в гости, потому что у нас оставалось два часа, чтобы прибежать и усадить детей на горшок, иначе они просыпались и начинали рыдать. А сейчас дети взрослые: сын женился, дочь находится пока в гражданском браке. Она уже беременна. Хотела в феврале сделать свою маму бабушкой, ну а меня дедушкой.

— Как вы расстались?

— Это было в 2000 году. Она была уже известным журналистом, и ее пригласили в Израиль посетить святые места. Уже было понятно, что мы расстанемся, и это была наша последняя гастроль. Я у нее был сопровождающим. А потом мы расстались. Наше расставание — не проблема супружеских измен. Это мои проблемы. Мои коллеги-сволочи сделали все возможное, чтобы после убийства Влада Листьева я не смог нормально работать. Поэтому, безусловно, я стал увлекаться алкоголем. А что симпатичного может быть в таком мужчине? После убийства Влада я не мог заснуть, не выпив бутылку пива. Потом, когда мы уже расстались, я стал свои перышки чистить, себя восстанавливать и физически, и психологически. Когда убили Влада, у меня стали прослушивать телефон, за мной ходила “наружка”, со мной знакомились какие-то люди... А Ане однажды угрожал Гусинский, после того как она написала расследование о залоговых аукционах. Аня была в шоке, потому что Гусинский все знал про нашу семью. В тот вечер у нас с Аней была длительная серьезная беседа, и я ей сказал: “Надо жить так, чтобы эти твари ни в чем тебя не могли уличить”. Моя вина в том, что под грузом своих проблем я уходил в себя, а не общалась с ней, поэтому возникали трещинки, которые потом превращались в трещины. У меня возникали какие-то сомнительные друзья, которые пили со мной пиво по вечерам. Ей это не нравилось. Только расставшись с Аней, я понял, что любовь двух людей — это работа и фантастическая ответственность. Анна тоже Дева, как и я. А как говорят астрологи — мы несовместимы. Я в это не верил, но, по всей видимости, не приложил усилий для того, чтобы сохранить семейные отношения. А наши дети удивлялись, что мы вообще еще продолжаем жить вместе.

Александр МЕЛЬМАН.

151